

Эту новость всё-таки не удалось скрыть.

В то время как высшее руководство Хуася проводило экстренное ночное совещание, на зарубежных социальных платформах уже появилась видеозапись с места событий, густо покрытая плашками цензуры. Оператор, судя по всему, был жильцом дома напротив, камера в телефоне сильно дрожала, но того, что попало в кадр, было достаточно, чтобы весь мир шумно ахнул от неожиданности: над жилым домом завис боевой вертолёт, вход в подъезд заблокировал танк, а несколько десятков вооружённых до зубов бойцов спецназа выбили дверь и ворвались внутрь.

У поста была всего одна строка заголовка, и за каждым словом стояло по три восклицательных знака: «Спецназ Хуася выбил дверь и арестовал мирового создателя вируса!!!»

Видео опубликовали в три часа ночи, а к четырём часам количество просмотров перевалило за восемьдесят миллионов.

Раздел комментариев буквально сошёл с ума.

Сначала это были лишь обсуждения в технической среде: кто-то утверждал, что вирус такого уровня мог написать исключительно элитный хакерский коллектив, кто-то предполагал, что в сети попался участник некой разыскиваемой международной хакерской группировки, а кто-то с пеной у рта доказывал, что идёт кибервойна между Хуася и Россией. Выдвигались самые разные предположения, но никто — абсолютно никто — не угадал правду.

Пока кто-то не опубликовал в Твиттере анонимное сообщение.

«Источник: создатель вируса — китайский ребёнок. Ему нет и десяти лет».

Этот твит за десять минут разошёлся репостами сто тысяч раз.

И тогда взорвался весь мир.

Государственный департамент США отреагировал первым. Пресс-секретарь созвал ночную пресс-конференцию и, стоя на фоне флага США, с лицом настолько суровым, словно объявлял войну, заявил: «Хуася использует несовершеннолетних для проведения кибертеррористических атак, подобные действия переходят границы дозволенного человеческой цивилизацией. Мы требуем, чтобы Хуася немедленно выдала этого "ребёнка-солдата" для совместного суда международного сообщества».

Само выражение «ребёнок-солдат» прозвучало предельно злобно.

Сразу после этого канцелярия премьер-министра Великобритании опубликовала заявление: формулировки были более сдержанными, но позиция — столь же жесткой: «Независимо от

возраста создателя вируса, его действия уже привели к катастрофическим последствиям глобального масштаба. Хуася обязана понести за это ответственность».

Франция, Германия, Япония, Австралия... Одна за другой страны стали озвучивать свои позиции, формулировки становились всё жестче, а тон — всё более агрессивным. Страна-председатель Совета Европейского союза даже представила план санкций: если Хуася в течение двадцати четырёх часов не выдаст создателя вируса, против неё будут введены всеобъемлющие экономические санкции.

Двадцать четыре часа. Ультиматум.

Когда новости докатились обратно до страны, на улице уже занималось раннее утро.

Юэ Сяюэ всё ещё находилась в комнате для допросов, уткнувшись носом в стол и заснув. Су Лань сняла свою куртку и набросила её на дочь. Юэ Сяюэ пробормотала во сне: «Маленькие вонтоны вкусные», — и в уголке её рта всё ещё оставалось незамеченное пятнышко от супа.

Су Лань не спала. Она сидела рядом с дочерью, одной рукой мягко поглаживая её по спине, а в другой сжимая телефон. Экран светился, уведомления вылезали одно за другим, и каждый заголовок бил по глазам сильнее предыдущего.

«Многие страны требуют экстрадиции семилетнего "террориста" из Хуася»

«США угрожают санкциями: выдайте этого ребёнка»

«Двадцатичасовой ультиматум Европейского союза»

Су Лань смотрела на эти слова, вчитываясь в каждое по отдельности, словно перед ней был совершенно незнакомый язык. Проработав столько лет бухгалтером, она ежедневно имела дело с цифрами и лучше всего умела выстраивать кристально чистую отчётность из вороха хаотичных данных. Но как бы она ни складывала вместе слова из этих заголовков, её мозг отказывался их понимать.

Экстрадиция. Санкции. Ультиматум.

Эти слова не должны стоять рядом с именем её дочери.

Её дочь даже не знала, что означает слово «экстрадиция». Больше всего на свете её дочь любила не писать вирусы, а завязывать плюшевым котяткам хвостики из торчащей шерсти, раскладывать леденцы по цветам в ровный ряд и каждый вечер перед сном слушать, как мама рассказывает сказку, а когда та заканчивалась, торговаться ещё на одну.

— Мама... — Юэ Сяюэ во сне перевернулась на другой бок, и куртка сползла с её плеч. Су Лань протянула руку, чтобы поправить её обратно, но её кончики пальцев коснулись тёплой щеки дочери, и рука замерла в воздухе, не возвращаясь назад.

Внезапно она вспомнила, что сказала дочери сегодня утром, перед тем как уйти на работу.

— Юэюэ побудь дома послушно, мама вернётся с работы и принесёт тебе клубнику.

То, что она принесла с работы, было вовсе не клубникой. Она принесла с собой несколько десятков бойцов спецназа с автоматами наперевес, вертолёт, танки, тараны для дверей и ярость всего мира.

Су Лань уткнулась лицом в ладони, её плечи слегка подрагивали.

Из коридора донеслись шаги. Линь Цзяньцзюнь толкнул дверь и вошёл внутрь, держа в руках папку с документами, а его лицо было мрачнее утреннего неба. Он бросил взгляд на заснувшую за столом Юэ Сяюэ и тихо произвёл:

— Товарищ Су Лань, выйдите на минуту.

Су Лань последовала за ним в коридор. Коридор был забит людьми, каждый держал в руках бумаги, и на лицах у всех застыло одно и то же выражение — тревога, усталость и какое-то странное, неукротимое воодушевление. Линь Цзяньцзюнь протянул ей папку, на обложке которой красовался ярко-красный гриф «Совершенно секретно».

— Западная семерка давит на нас с совместными требованиями выдать человека. Говорят, что это ультиматум на двадцать четыре часа, но, судя по имеющимся у нас разведанным, они уже подготовили пакет санкций и могут запустить его в любой момент, — Линь Цзяньцзюнь говорил приглушённо, но каждое слово звучало весомо. — Таково решение руководства — ознакомьтесь.

Су Лань приняла папку и открыла первую страницу. Ей хватило трёх строк, чтобы слёзы брызнули из глаз.

В документе чёрным по белому было написано: государство не выдаст Юэ Сяюэ. Мало того, что её не выдадут — с неё снимут все обвинения, наградят орденом «За особые заслуги перед государством», в виде исключения присвоят пожизненное звание академика Китайской академии наук и предоставят государственное обеспечение на уровне министра.

— Это... правда? — голос Су Лань дрожал, и папка в её руках тряслась вместе с ним.

— Правда, — кивнул Линь Цзяньцзюнь. — Высшее руководство заседало всю ночь, решение принято единогласно. Утверждено лично Первым лицом.

Су Лань опустила голову, и крупные капли слёз начали падать на документ, расплывая чернильные строчки.

— Но... ей же всего семь лет, — её голос раскололся на мелкие кусочки. — Она даже не

понимает, что такое академик.

— Ей и не нужно понимать, — Линь Цзяньцзюнь посмотрел на приоткрытую дверь в конце коридора, ведущую в комнату для допросов, откуда пробивалась узкая полоска тёплого света.
— Ей нужно просто оставаться собой. А всё остальное возьмёт на себя государство.

С другого конца коридора доносилась прямая трансляция из пресс-центра. Какой-то сотрудник держал в руках телефон, окруженный плотным кольцом людей, и выражения лиц всех присутствующих напоминали тех, кто напряженно следит за финальным матчем с непредсказуемым исходом.

На телевизионном экране перед трибуной для выступлений стоял официальный представитель Министерства иностранных дел Хуася, а перед ним громоздились микрофоны. Его галстук был завязан безупречно, а выражение лица отличалось непоколебимым спокойствием скалы. Зал был до отказа забит зарубежными журналистами, некоторые из них заранее заготовили обвинительные статьи, ожидая, пока официальный Хуася выдаст дежурную фразу вроде «ведётся расследование», чтобы тут же отправить материалы в печать.

Представитель откашлялся и заговорил:

— Что касается так называемого «инцидента с глобальным вирусом», по результатам расследования и проверки профильных ведомств Хуася установлено, что создатель вируса действительно является семилетней гражданкой Хуася.

В зале поднялся шум. Защёлкали затворы камер, вспышки фотографов то освещали, то погружали в тень лицо выступающего.

Представитель слегка приподнял руку, призывая к тишине.

— Тем не менее, — он сделал небольшую паузу, и его взгляд обвёл весь зал, — по заключению высшего национального научно-исследовательского учреждения, данная несовершеннолетняя не осуществляла сетевую атаку — она случайно спровоцировала программную уязвимость в процессе самостоятельного обучения программированию. В её действиях полностью отсутствовал какой-либо умысел или злой порыв.

В зале зашептались. Один из американских журналистов уже вскинул руку, а уголки его губ искривились в издешливой ухмылке.

Представитель не дал ему возможности задать вопрос.

— Учитывая выдающийся талант, проявленный этой девочкой в сфере программирования, правительство Хуася приняло решение... — он перевернул страницу текста и зачитал ту самую фразу, в которую весь мир отказывался верить: — ...аннулировать все обвинения в отношении Юэ Сяюэ. Наградить её медалью «За особые заслуги перед государством». В порядке исключения присвоить звание пожизненного академика Китайской академии наук. Предоставить государственное обеспечение на уровне министра.

Весь пресс-зал замер ровно на три секунды.

А затем взорвался.

Тот самый американский журналист выкрикнул во весь голос: «Are you kidding me?!» Он даже забыл поднять руку, и его голос разнёсся по всему залу без всяких микрофонов.

Представитель бросил на него короткий взгляд, а его тон оставался невозмутимым, словно он зачитывал прогноз погоды:

— Хуася никогда не шутит с талантами.

Су Лань в коридоре, слушая звуки трансляции, медленно опустилась на корточки. Она прижала папку к груди, опустив голову, и её плечи затряслись сильнее, чем когда-либо.

Линь Цзяньцзюнь стоял рядом, не пытаясь поднять её и не произнося утешающих слов. Он просто развернулся полубоком, загораживая её от сновавших туда-сюда по коридору людей, чтобы никто не видел её слёз.

В комнате для допросов Юэ Сяюэ проснулась. Она протёрла глаза и села, а куртка с её плеч упала на пол. Оглядевшись по сторонам и не обнаружив маму, она слегка испугалась и босиком спрыгнула со стула.

— Мама?

Она приоткрыла дверь, высунув наружу голову: косички-баранки перекошились самым нелепым образом, а на щеке остался красный след от долгого лежания на столе. Увидев сидящую на корточках в коридоре и плачущую Су Лань, выражение её маленького лица мгновенно изменилось. Девочка подбежала, крепко обняла маму за шею и со всей своей крошечной силой попыталась потянуть её на себя.

— Мама, не плачь! — её голосок звучал по-детски звонко, но решимость в нём была совсем взрослой. — Кто тебя обидел? Я помогу тебе написать вирус и напугаю его!

Эта фраза заставила Су Лань сквозь слёзы горько улыбнуться, и она крепко прижала дочь к груди.

Наблюдавший за этой сценой Линь Цзяньцзюнь отвернулся и с силой потёр уголки глаз.

В конце коридора на экранах продолжалась трансляция из пресс-центра. На смартфонах пользователей по всему миру одновременно всплыли экстренные уведомления: Хуася превратила семилетнего «террориста» в академика.

А этот самый семилетний академик в этот момент крепко обнимала маму за шею и звонким детским голосом кричала какому-то незнакомому сотруднику, спешно проходившему по коридору:

— Дядя! Вы не знаете, где продаётся клубника? Моя мама обещала купить её мне, но забыла.

<http://bllate.org/book/22405/2351859>